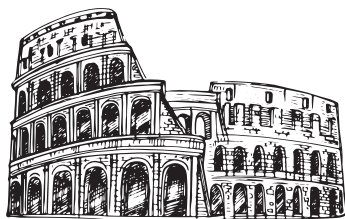

Для Пати

Потому что ты — лучшая подруга на свете.

Глава 4

Мюнхен. 17 ноября

Почему он все время смотрит на меня?
Профессор Киппинг бурлит меня взглядом, кажется, будто он силой мысли пытается заглянуть мне в голову. Отвести взгляд кажется чем-то нереальным, хотя с каждой секундой становится все неудобнее.

Прошло пять минут с тех пор, как Виктор ворвался в библиотеку с сообщением о том, что исчезла Рубиновая Табула. Пять минут, в течение которых профессор Киппинг рассказывал о своих подозрениях относительно того, кто мог быть к этому причастен. И теперь он абсолютно невозмутимо пялится на меня, даже не моргая.

Я тревожно оглядываюсь назад в попытке найти в лицах окружающих ответы на тысячу вопро-

сов в моей голове. Он что, подозревает, что я имею какое-то отношение к исчезновению Рубиновой Табулы? Или это просто классический жест под названием «я полностью погружен в свои мысли и вообще тебя не вижу»? Может, он вообще не меня имеет в виду?

Лео, мой партнер по путешествию во времени, стоит рядом, и кажется, будто за все это время он не сдвинулся ни на миллиметр. Напряжение повисло в воздухе: его мышцы, должно быть, уже превратились в камень. Его так шокирует исчезновение Рубиновой Табулы, или это из-за многозначительного взгляда профессора Киппинга в мою сторону? Боюсь даже предположить.

Я мысленно делаю глубокий вдох. Только этой драмы мне не хватало. Мы с Лео едва успели вернуться в наше время из почти четырехнедельного путешествия во Флоренцию эпохи Возрождения, где должны были предотвратить убийство Лоренцо де Медичи, чтобы ход истории кардинально не изменился. Я ужасно вымоталась, поранила руку и ничего не хотела так сильно, как залезть под горячий душ. Ну, может быть, чашечку кофе. О да, это сделало бы меня по-настоящему счастливой этим утром.

Но вместо этого я все еще стою здесь, в главном зале ордена Рубинов, который занимается чем-то вроде покровительства путешественников во времени, таких как Лео и я, и пытаюсь понять, о чем думает профессор Киппинг. Он — великий магистр ордена в Мюнхене (или прецептор, если вам нравятся важные должностные звания) и одновременно один из моих профессоров в университете. Если я не про-

Под знаком Альфа

вожу время в прошлом (более или менее добровольно), я изучаю историю искусств. До недавнего времени я не имела ни малейшего представления о силе, которая дремлет во мне. Ну да, пока я не столкнулась с Лео, который разбудил во мне способность путешествовать во времени. Теперь на правом запястье хорошо виден голубовато мерцающий знак зодиака — символ моего нового таланта.

Как часто бывало раньше, символ отдается небольшими ударами у меня под кожей, словно второй пульс, и это вызывает беспокойство. До сих пор подобное не сулило ничего хорошего.

Почувствовав нежное прикосновение к руке, я накрыла знак на запястье ладонью. Лео едва ощущимо водит кончиками пальцев по моим костяшкам, и я мельком замечаю его красноватый знак зодиака, от которого исходит слабое свечение. Значит, он тоже это чувствует.

Немое напряжение в комнате рассеивается, когда из коридора раздаются голоса. Профессор Киппинг наконец отводит от меня взгляд и вопросительно смотрит на своего помощника Виктора. Тот, однако, выглядит озадаченным.

Еще до того, как дверь в библиотеку захлопывается, из коридора доносится встревоженный голос:

— Где она? Где моя сестра?

Дверь распахивается, впуская Пауля. Двое мужчин, следующих за ним, затаив дыхание останавливаются у двери, провожая его укоризненными взглядами.

Мое сердце подпрыгивает от радости, когда я вижу брата. Его светлые волосы дико торчат, глаза

горят решительностью, когда он оглядывается. Увидев меня рядом с Лео, Пауль зловеще мрачнеет.

Видимо, его «чутье Старшего Брата» подсказывает, что отношения между мной и Лео изменились. И, похоже, Паулю это совсем не нравится.

— Ты! — ворчит он, указывая пальцем на Лео, надвигаясь на нас стремительным шагом. — Убери лапы от моей сестры!

Только когда Лео поспешно отпускает мою руку, я осознаю, что наши пальцы были переплетены. Подлетая к нам семимильными шагами, брат обнимает меня так сильно, что ребра протестующе стонут. Но это не важно: я ждала несколько недель, чтобы с облегчением зарыться лицом в его плечо и на мгновение отключиться от всего мира. Я так рада его видеть! Мы долго не знали, удастся ли вернуться в свое время, а Пауль — моя семья, мой лучший друг, и я скучала по нему больше, чем когда-либо. Слезы жгут глаза, когда он отрывается от меня:

— Я так волновался, — говорит он, вытирая большим пальцем слезу со щеки. — После того, как портал рухнул... — Через мое плечо он бросает взгляд на картину *La Primavera*, стоящую на мольберте в неизменной красоте, и вздыхает. — А теперь еще и Табула!

Отпустив меня, он поворачивается к профессору Киппину и Виктору.

— Я был в Планетарном зале, когда сообщили об исчезновении Рубиновой Табулы. Когда Ольбрих сказал Виктору, что Розали и Леопольдо вернулись, я с трудом смог в это поверить.

— Да, — соглашается профессор Киппинг. — Необычайно счастливое совпадение, что им это удалось. Временной интервал был немислимо маленький.

По мере того как я слушаю этих двоих, в голове возникает все больше вопросов. Что все это значит? Я понимаю, что еще слишком мало знаю о происхождении путешествий во времени, ордене и Табуле, но, видимо, между ней и порталами есть связь, по крайней мере все присутствующие настроены очень серьезно.

— Мы должны немедленно мобилизовать наши ресурсы, — энергично провозглашает профессор Киппинг. — Чем быстрее мы раскроем это таинственное дело, тем лучше. В противном случае есть риск понести серьезные потери.

Виктор и двое мужчин, вошедших с Паулем, одобрительно кивают в ответ на его слова. Мой брат между тем подходит к профессору Киппингу.

— Простите, профессор, но я хочу забрать сестру домой. Я понимаю, что вам бы хотелось задержать ее здесь в свете последних событий, но она совершенно измучена. Она не была дома несколько недель и заслужила день отдыха, вы не находите?

Профессор Киппинг молча смотрит на нас. В его взгляде мне мерещится короткая серебристая вспышка, заставляющая содрогнуться, потому что до сих пор я видела ее только один раз, у Люция Мореля. Это научило меня бояться серебряных глаз.

Профессор Киппинг вздыхает:

— Мне действительно было бы совестно задерживать здесь Розали надолго, но сначала я должен

получить представление о ситуации. Могу ли я рассчитывать на то, что она вернется завтра, когда понадобится нам?

— Да, профессор, — кивает Пауль.

И хотя я категорически против, когда другие люди принимают за меня решения, не поинтересовавшись моим мнением, возражать не хочется: в сущности, мне неохота ничего другого, кроме как вернуться наконец домой и немного отдохнуть, прежде чем это безумие продолжится.

Профессор Киппинг не выглядит довольным, но кивает, помахав мне рукой на прощанье, а в следующий миг уже разворачивается к Виктору, и те дружно кивают друг другу.

Пауль заботливо обнимает меня за плечи, нежно притягивая к себе. С объемной юбкой платья, которое я так и не сняла, все мои усилия уходят на то, чтобы поспевать за ним. Больше спотыкаясь, чем идя прямо, я спешу по коридорам штаба за братом, пока мы не оказываемся в круглом фойе, где я уже была. Внушительные астрономические часы на стене наполняют комнату тихим тиканьем и жужжанием.

— Розали!

Откликнувшись на свое имя, я поворачиваю голову, чтобы увидеть Лео, бегущего за нами по коридору, скользя на голом мраморном полу фойе.

— Хэй, подожди! — задыхаясь, выдавливает он, остановившись. — Могу я поговорить с тобой минутку? *Наедине.* — Он бросает многозначительный взгляд на моего брата.

Пауль ворчит что-то непонятное, но позволяет

Под знаком Альва

руке соскользнуть с моих плеч, а потом направляется к portalу.

— Я жду снаружи у машины. Поторопись, ладно?

Оставить меня наедине с Лео настолько не в его характере... Потом надо будет спокойно объяснить, что за время, проведенное в прошлом, многое изменилось, и Лео уже далеко не тот невыносимый уродец, с которым мы когда-то познакомились.

Лео делает несколько шагов, пока не оказывается ко мне вплотную. Задрал голову, я заглядываю юноше в глаза, и все мысли о чрезмерно заботливом брате тут же улетучиваются. Лео побледнел и осунулся — неудивительно, учитывая последние события, однако морская зелень его ясных глаз не померкла ни на тон.

— Ты правда хотела уйти не попрощавшись? — бормочет Лео, и его приглушенный голос с итальянским акцентом заставляет кожу покрыться мурашками.

— Я... э-э... — Честно говоря, я была настолько поглощена мыслью о возвращении домой, что просто о нем забыла.

— Розали Грифиус, ты жестокая женщина, — заявляет мне он серьезно. — Как только увидела брата, сразу же обо мне забыла, да?

Я скептически вскидываю брови:

— Если ты намекаешь на то, что мы...

Лео смеется:

— Расслабься, я просто держу тебя в форме. В конце концов, вы не Борджиа.

— Ха-ха-ха, очень смешно! — Я игриво шлепаю его по руке, и Лео тут же ловит мои запястья, заводя их за спину и притягивая меня ближе.

— Я хотел еще кое-что с тобой обсудить, прежде чем ты отправишься на попечение своего брата. — Он все-таки отпускает мои руки и заправляет мне за ухо выбившуюся из прически прядь волос. — Мне показалось или профессор Киппинг имел в виду тебя, когда говорил, что у него есть подозрение, кто причастен к пропаже Рубиновой Табулы? Он так странно на тебя смотрел...

Его слова снова возвращают то неприятное чувство, тяжелым комком свернувшееся в желудке. Значит, не только мне это показалось странным.

— Понятия не имею, что это было, — бормочу я, не в силах побороть пробивающееся в голосе раздражение. — Что это вообще должно означать? Вот он узнаёт, что Табула буквально испарилась на глазах, а в следующее мгновение уже заявляет, что знает, кто имеет к этому отношение. Откуда он может это знать?

От волнения мой голос становится все громче и громче с каждым словом, отскакивая эхом от высоких стен фойе. Лео прикладывает палец к моим губам, чтобы успокоить.

— Тсс, тише! — произносит он на итальянском, тут же снова переходя на понятный мне язык. — Может быть, это вообще ничего не значит. Я останусь здесь, чтобы разобраться, что происходит. Скорее всего, профессор Киппинг просто настолько погрузился в свои мысли, что не заметил, как пялится на тебя. — Его руки обхватывают мое лицо с просьбой посмотреть ему в глаза. — Мы выполнили свою задачу во Флоренции и смогли вернуться. Какой бы хаос

Под знаком Альва

здесь ни разразился, ты не должна забывать об этом. Ты сделала это, ты смогла!

Он наклоняется, чтобы прижаться своими губами к моим. Этот поцелуй короткий и нежный — не такой страстный и пылкий, как после нашего возвращения, когда я буквально чуть не опрокинула Лео на пол, но достаточно жаркий, чтобы превратить мои ноги в желе.

— Иди и отдохни хорошенько, увидимся завтра!